

языка. Первая партия (возглавляемая А. Е. Кибриком) занималась изучением синтаксиса шугнанского языка, вторая партия (руководимая Б. Ю. Городецким и В. В. Раскиным) — его семантикой. Шугнанский язык, обладающий простой фонетикой и бедной морфологией (которые к тому же описаны), был выбран с тем, чтобы максимально устранить фонетический и морфологический барьер и сосредоточить все усилия на синтаксисе и семантике (шугнанский — один из бесписьменных иранских языков, на нем говорит около 20 тыс. человек).

Были собраны большая фонотека звучащей шугнанской речи, корпус текстов (около

150 связанных текстов различного жанра и тематики), корпус фраз (около 5000 изолированных высказываний, полученных в процессе работы с информантами). Таким образом, мы получили богатый фактический материал, который в настоящее время обрабатывается и изучается. Предполагается подготовить публикации по этому материалу.

Проведение структурно-лингвистических экспедиций стало традицией филологического факультета. Постоянно расширяется тематика этих экспедиций, а также увеличивается круг языков, подвергающихся полемому изучению.

А. Е. Кибрик

Экспедиции в Коми АССР и Ненецкий национальный округ

На севере европейской части СССР в районах с нерусским населением почти повсеместно наблюдается массовый билингвизм. Термин «билингвизм» (как и более широкий «контактирование языков») сам по себе мало что объясняет в языковых отношениях; он лишь обозначает языковые ситуации, в результате которых возникают общие явления в языке, называемые интерференцией двух языков. Интерференция выражается в зримых отклонениях от нормы одного или обоих контактирующих языков. Изучение явлений интерференции в полевых условиях было задачей двух летних экспедиций (1968 и 1969 гг.) — в Коми АССР и Ненецкий национальный округ Архангельской области, организованных кафедрой структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Экспедиция 1968 г. (в составе девяти человек) работала в Коми АССР: в дер. Колва Усть-Усинского сельсовета Печорского района и дер. Лёждуг Ёрмицкого сельсовета Усть-Цилёмского района.

Дер. Колва, как и весь Усть-Усинский сельсовет, заселен коми, носителями ижемского диалекта коми-зырянского языка, с небольшой этнической прослойкой из ненцев — выходцев из тундры, забывших свой родной язык и говорящих на коми. По соседству с Колвой (километрах в четырех от нее) в начале 60-х годов начались нефтеразработки; на буровых занят значительный процент русского населения из разных районов страны, что обеспечило в последнее время усиление контакта коми языка с русским.

Другой район (дер. Лёждуг), обследованный с точки зрения контактирования языков, — прямая противоположность первому. Это своеобразный островок коми языка (ижемский диалект) среди русского населения Усть-Цилёмского района, начавшего заселяться русскими еще во времена Ивана Грозного.

В обеих деревнях велось анкетирование с помощью вопросников, которые были составлены на основе анкет, предложенных У. Вейнрайхом¹, В. Самариным² и некоторыми другими лингвистами. Лингвистическое анкетирование позволило характеризовать билингвизм в обследованных районах по таким существенным чертам, как: 1) способ употребления вторичного языка, заключающийся в умении *gesp.* неумении читать и писать на вторичном языке; 2) время изучения вторичного языка (шло ли его изучение в детстве параллельно с родным языком или он изучался позже, уже при знании первичного языка); 3) большая опытность во владении вторичным языком, т. е. насколько чаще и больше билингв говорит на вторичном языке по сравнению с первичным; 4) специализация функций языков, находящихся в контакте, и др.

Экспедиция 1969 г. (в составе восьми человек) работала в ненецком национальном округе в дер. Красное и Нельмин Нос смешанным русским, коми и ненецким населением. В дер. Нельмин Нос преобладают малоземельские ненцы с незначительной прослойкой из русских, а в Красном живут русские, коми — носители ижемского диалекта и большеземельские ненцы.

Во время первой и второй экспедиций был собран большой материал, свидетельствующий о влиянии друг на друга контактирующих языков. Особенно ошутима интерференция коми и русского языков (взаимопроникновение коми и ненецкого или ненецкого и русского чувствуется в меньшей степени), причем влияние русского языка на коми весьма заметно на всех языковых уровнях (в области фонетики, грамматики — преимущественно в речи детей-информантов, а также лексики), а контрвлияние сказывается только на уровне лексическом и фонетическом.

Под несомненным воздействием коми в русской речи билингвов (изредка и моно-

¹ U. Weinreich. *Languages in Contact*, ch. III. N.-Y., 1955.

² W. I. Samarin. *Field Linguistics. A Guide to linguistic Field Work*, ch. V. N.-Y., 1967.

лингвов-русских) происходят многочисленные отклонения от фонетических норм русского языка (например, часто переносится ударение на первый слог, не оглушаются конечные звонкие согласные в русских словах, в позиции начала слова наблюдается упрощение групп согласных и т. д.; особенно легко перенимается интонирование, типичное для коми). Заметно и обратное воздействие русского языка на коми в области фонетики. Оно проявляется в частых оглушениях на конце слов и на стыках слов в коми языке, в мягком произношении аффрикаты *тш* как русской [ч'], в отсутствии шепелявого призвука у *сь* и *зь*, которые произносятся как русские [с'], [з']. В речь коми (не только билингов, но и монолингов) из русского языка проникла фонема /х/, встречающаяся, впрочем, редко.

Таким образом, в области фонетики влияние двух контактирующих языков взаимное. В области лексики в обследованных деревнях также существует интерференция коми и русского языков. Степень проникновения лексики русского языка в коми-зырянский особенно заметна, влияние же коми языка на русский сказывается в основном в определенных семантических группах, но лексика этих групп адаптируется при этом настолько полно, что информант-билингв часто не различает, лексему какого языка он употребил при разговоре с носителем другого языка. Например, слову *свесья* «свояченица, сестра жены» в с. Красное давалось такое объяснение: «У Светланы (жена спрашивающего. — А. К.) сестра тебе будет свесья, по-русски монь будет» (на самом деле *монь* в коми языке означает «сноха, жена сына» и, в отличие от слова *свесья*, которое в словаре Даля приводится как диалектное русское слово, имеющее широкое распространение, является исконным в языке коми).

И в с. Колве, и в Лёждуге, и в Красном сплошь и рядом можно слышать фразы, в которых одновременно используются два разных языка, причем в одних случаях мы видим механическое сплетение русских и коми слов или частей фраз с сохранением грамматики каждого языка (например, *Мы живём в Лёждуге дас куим во* — «13 лет»; *Анна, вай дзоля* («неси маленькую» — ложку), в других — при использовании русской лексики сохраняется грамматика коми языка (*Снимитім кольцос и узнайтім, что чиракыс зимуйтёма Францияын* — «Сняли кольцо и узнали, что чирок зимовал во Франции»).

Анализ связных текстов на коми языке (магнитофонная запись выступлений на колхозном собрании в Колве, записанные в Лёждуге рассказы о прошлом местных жителей и др.) дает высокий процент содержания в нем русских слов и целых словосочетаний, среди которых одни употребляются с русскими окончаниями, другие оформляются по законам грамматики коми.

Лексическая и фонетическая интерференция имеет двусторонний характер; наоборот, грамматическая интерференция, насколько удалось заметить, односторонняя — под влиянием русского языка изменяются некоторые грамматические категории коми, но не отмечено изменений в употреблении русских грамматических форм под влиянием коми грамматики. Материалы, собранные в обследованных пунктах, свидетельствуют о разрушении системы внутриместных падежей (местного, исходного, вступительного), которые вытеснялись внешнеместными падежами (приблизительный, отдалительный, переходный, предельный), и о разрушении системы управления с помощью послелогов в коми языке (русские конструкции с предлогами передавались в коми внешнеместными падежами и сравнительно редко — сочетаниями с послелогами; нередко вместо требуемых контекстом послелогов употребляются послелоги с другим значением и т. д.).

В речи нескольких трилингвов-ненцев из с. Красное, владеющих помимо русского коми языком, давление на последний шло со стороны не русского языка, который они хорошо знали, а со стороны ненецкого. Так, фразу «Я иду домой» ненка-трилингв переводила на коми «*Ме муна керкан'*» с показателем *-н'*, характерным для дат.-направит. пад. ед. ч. существительных I класса ненецкого языка вместо *Ме муна керкао* (или *гортö*). Фраза «Я иду из дома» переводилась на коми *Ме муна керкани* с лично-притяжательным показателем *-ни* род. пад. ненецкого языка и т. п.

Во время летних экспедиций 1968—1969 гг. в районы массового билингвизма на севере европейской части СССР был собран огромный материал, частично уже проанализированный, а частично требующий дальнейшей обработки и свидетельствующий о взаимодействии языков разных систем на всех лингвистических уровнях.

А. И. Кузнецова

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

В декабре прошлого года студенты славянского отделения филологического факультета МГУ встретились с русским поэтом и переводчиком Георгием Константиновичем Соргоном, постоянно живущим в Польской Народной Республике.

Г. К. Соргонин родился в 1904 г. в Иркутске и еще в детстве переехал с семьей в Польшу (мать его после смерти отца вышла замуж за поляка). Здесь он окончил юридический факультет Варшавского университета и с 1925 г. начал печатать стихи